

МАСТЕРСКАЯ

АЛЕКСАНДР ШАЕВИЧ

Александр Шаевич

Мастерская

«Автор»

2026

Шаевич А.

Мастерская / А. Шаевич — «Автор», 2026

Частный детектив Марина Соколова берётся за дело, которое полиция отказалась расследовать — исчезновение молодой художницы Алисы из закрытого богемного круга художника Виктора Орлова. Чтобы проникнуть в замкнутый мир лофт-студии на окраине северного города, Марине приходится войти в него не как следователь, а как новая модель — и вскоре она обнаруживает, что расследование требует куда большей близости с подозреваемыми, чем предполагала любая профессиональная подготовка. Чем глубже она погружается в тайны круга — подделки картин, отмывание денег, опасную игру власти между художником и его музой — тем труднее ей отделить долг от подлинного чувства. Чувственная детективная повесть о том, как страсть может одновременно мешать правде и быть единственным путём к ней.

© Шаевич А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Александр Шавич

Мастерская

Глава 1

Город встретил Марину так, как встречает всегда — серым небом, низким и плотным, будто

кто-то специально натянул его пониже, чтобы скрыть верхние этажи старых фабричных корпусов. Она любила этот квартал именно за это: за честность его уродства, за ржавчину на трубах, которая никого не пыталась обмануть. В отличие от того, что находилось внутри.

Кабинет галеристки оказался в самом начале улицы — стеклянная коробка, врезанная в кирпичный фасад девятнадцатого века, с тем особым видом нарочитой простоты, которая

стоит дороже любой роскоши. Хозяйка кабинета, женщина лет пятидесяти с короткой стрижкой и слишком прямой спиной, поднялась навстречу, не дожидаясь, пока Марина дойдёт до стола.

— Анна Кравцова, — представилась она, хотя Марина уже знала это имя — оно стояло под половиной каталогов современного искусства, которые ей доводилось видеть. — Спасибо,

что приехали так быстро.

— Вы сказали по телефону, что дело срочное, — Марина опустила в кресло, не снимая пальто. — И что не хотите идти в полицию.

— Не хочу, — Кравцова не стала юлить, и за это Марина была ей благодарна. — В полиции

это будет дело о пропавшей девушке, которая просто решила сменить обстановку. У них нет времени разбираться с богемными драмами.

— А вы считаете, что здесь не просто драма.

— Я считаю, что Алиса Реброва не из тех, кто исчезает без предупреждения, — Кравцова достала из ящика стола тонкую папку и подвинула её через стол. — Две недели назад она должна была привезти финальные работы для выставки. Не приехала. Не отвечает.

Телефон отключён, в соцсетях тишина с того самого дня.

Марина открыла папку. Несколько фотографий — молодая женщина, лет двадцати пяти,

с тем типом лица, которое художники называют «фактурным»: резкие скулы, светлые, почти

прозрачные глаза, взгляд, в котором было что-то одновременно дерзкое и уязвимое. На других снимках — её работы: крупные полотна, мрачные, плотные по цвету, с фигурами, которые казались наполовину растворёнными в фоне.

— Она художница.

— Художница и модель. Позировала Виктору Орлову последние два года. Знаете это имя?

Марина знала. Орлов был из тех фигур, чьи имена всплывают в разговорах об искусстве с придыханием — не самый известный широкой публике, но обладающий тем особым статусом внутри узкого профессионального круга, который значит больше публичной славы. Лофт-студия на набережной, бывшая ткацкая фабрика, переделанная под

мастерские для десятка избранных — она читала об этом месте, никогда не была внутри. — Алиса жила и работала в его студии последний год, — продолжила Кравцова. — Там же живёт его постоянная муза, Лера Воронцова. Ещё несколько человек по периферии — фотограф, скульптор, девушка, которая недавно присоединилась к кругу. Замкнутая система, в которую посторонним вход закрыт.

— Но мне вы предлагаете туда войти.

— Я предлагаю вам единственный реальный способ узнать правду. — Кравцова впервые за

разговор позволила себе паузу, будто подбирая слова осторожнее. — Я устрою вам заказ портрета у Орлова. Он сейчас ищет новую модель для серии работ — то, что он называет «исследованием взгляда». Вы подходите по типуажу.

— Вы хотите, чтобы я позировала.

— Я хочу, чтобы вы нашли Алису. Способ — на ваше усмотрение. Но без доступа внутрь круга вы не узнаете ничего, кроме того, что они сами захотят рассказать.

Марина закрыла папку и долго смотрела на обложку, прежде чем ответить.

— Почему вы так уверены, что с ней что-то случилось? Может, она действительно просто устала и уехала.

— Потому что три дня назад я получила письмо с её электронной почты, — Кравцова сказала это тихо, почти буднично, и от этой будничности слова прозвучали тяжелее. —

Три

строки, никаких объяснений. «Со мной всё в порядке, не ищите меня, мне нужно время». Это не похоже на то, как Алиса пишет. Совсем не похоже.

— Стиль изменился?

— Дело не в стиле. В Алисе никогда не было фразы «не ищите меня». Она всегда хотела, чтобы её искали. Чтобы её замечали. — Кравцова подняла взгляд, и в нём впервые проступило что-то похожее на настоящий страх. — Это письмо написал не она. Или она

—

но не по своей воле.

Лофт-студия Орлова занимала весь третий этаж бывшей фабрики, и уже с лестницы было слышно, как внутри происходит что-то живое — голоса, музыка, звон стекла. Марина поднималась медленно, разглядывая пространство переходов: бетон, обнажённые трубы, граффити, которые выглядели слишком хорошо продуманными, чтобы быть случайными.

Дверь была не заперта. Она вошла без стука — так, как, по её расчётам, вошёл бы человек, уже знакомый с правилами этого места.

Студия открылась одним огромным пространством — высокие потолки, окна в полную стену, через которые серый дневной свет падал на десятки полотен, расставленных и развешанных без видимой системы. В центре — длинный стол с остатками вчерашнего застолья: бутылки, тарелки, пепельницы. У дальней стены, на фоне окна, стоял мужчина

—

высокий, с тем типом небрежной элегантности, которая требует немалых усилий, чтобы выглядеть естественной. — Вы, должно быть, Марина, — он не обернулся сразу, продолжая разглядывать холст

перед собой, и в этой паузе было что-то нарочитое, проверочное. — Анна предупредила, что пришлёт интересного человека. Она не ошиблась.

— Вы даже не видели моего лица.

— Я вижу, как вы стоите. — Теперь он обернулся, и взгляд его прошёлся по ней с той же скоростью, с какой профессионал оценивает холст — не оскорбительно, но абсолютно беспардонно честно. — Это говорит больше, чем лицо.

Виктор Орлов оказался моложе, чем она представляла по фотографиям в каталогах — может быть, чуть за сорок, но с той потрёпанной красотой, которая у некоторых мужчин с возрастом становится только убедительнее. Тёмные волосы с проседью, небрежно собранные, рубашка в пятнах краски, расстёгнутая на две пуговицы больше, чем требо-

вала
погода.

— Меня предупредили, что вы ищете модель для новой серии, — сказала Марина, стараясь,

чтобы голос звучал спокойно-деловито, без той интонации, которую он, кажется, уже пытался уловить.

— «Исследование взгляда», — Орлов произнёс название почти торжественно. — Меня интересуют лица, которые умеют скрывать. Большинство людей, когда их фотографи-

руют
или рисуют, выдают себя полностью — открываются, как книги. Это неинтересно. Мне нужны лица, за которыми чувствуется текст, который не читается с первого раза.

— И вы думаете, моё лицо такое?

— Я думаю, что узнаю это, когда начну работать. — Он подошёл ближе, остановившись

на
расстоянии, которое было чуть меньше принятой дистанции для незнакомых людей — расчётливо меньше, как заметила Марина. — Первый сеанс сегодня?

— Если вам удобно.

— Мне всегда удобно работать. — Он улыбнулся, и в этой улыбке было ровно столько обаяния, сколько нужно, чтобы не дать собеседнику времени насторожиться. — Лера покажет вам, где переодеться. Лера!

Из глубины студии, из-за ряда стеллажей с холстами, появилась женщина — невысокая, с тёмными волосами, заплетёнными в свободную косу, в одежде, которая выглядела одновременно богемно и продуманно. Она шла медленно, с той особой грацией, которая знает, что на неё смотрят, и взгляд её, остановившийся на Марине, был внимательным до неприятности — словно она читала не лицо, а намерения за ним.

— Новая модель, — сказал Орлов без дальнейших пояснений.

— Вижу, — ответила Лера, не отводя взгляда. — Идите за мной.

Они прошли мимо стеллажей, мимо ряда незаконченных холстов, и Марина невольно замедлила шаг у одного из них — портрет молодой женщины со светлыми глазами, тот же типаж, что на фотографиях в папке Кравцовой. Работа была недописана: лицо проступало чётко, а тело растворялось в неопределённых, размытых мазках, будто художник остановился на середине мысли.

— Это Алиса, — сказала Лера, заметив, куда смотрит Марина. Голос её был ровным, без эмоций, но в этой нейтральности чувствовалось напряжение, как тугая струна под спокойной поверхностью воды. — Наша бывшая модель.

— Бывшая?

— Она уехала, — Лера произнесла это так же буднично, как Кравцова произносила слова про письмо — и эта буднична была почти зеркальной, но смысл противоположным. —

Так

бывает с моделями. Приходят, работают, уходят. Искусство не терпит постоянства.

— А вам не жаль незаконченную работу?

Лера посмотрела на холст долгим взглядом, и на секунду что-то промелькнуло в её лице

—

не печаль, что-то более сложное, ближе к раздражению, смешанному со страхом.

— Виктор закончит её. Или не закончит. Это решает он.

Она открыла дверь в маленькую боковую комнату — гримёрную с зеркалом, вешалкой, ширмой.

— Переодевайтесь здесь. Есть несколько вариантов одежды на выбор, Виктор скажет, что предпочитает для первого сеанса.

— Лера, — сказала Марина, прежде чем та успела выйти, — можно личный вопрос?

— Зависит от вопроса.

— Вы давно здесь? В этом круге.

— Достаточно давно, чтобы знать все правила. — Лера остановилась в дверях, и взгляд её на секунду стал острее, прямее. — И достаточно давно, чтобы понимать, когда кто-то

задаёт

вопросы не из обычного любопытства.

Она вышла, не дожидаясь ответа, и Марина осталась одна в маленькой комнате, перед зеркалом, разглядывая своё отражение с тем особым ощущением, которое всегда приходило к ней в начале сложного дела — смесь азарта и тревоги, узнавания того, что

она

уже глубже внутри истории, чем планировала быть на этом этапе.

Глава 2

Первый сеанс начался без предисловий. Орлов поставил единственный стул посреди освобождённого пространства, под прямым потоком серого света из окна, и указал на него

коротким жестом.

— Сядьте так, как вам удобно. Я скорректирую сам.

Марина села, чувствуя странную незащищённость — не от обнажённости (Орлов попросил

её остаться в простом тёмном платье, которое нашлось среди вариантов в гримёрной), а от

самого процесса оценивающего разглядывания, под которым она оказалась. Он подошёл ближе, чем требовалось для простой коррекции позы. Его пальцы коснулись

её подбородка, разворачивая лицо на несколько градусов к свету — прикосновение профессиональное, выверенное, но задержавшееся на долю секунды дольше необходимого.

— Свет должен падать вот так, — сказал он, отступая на шаг, чтобы оценить эффект. — Видите тень под скулой? Это то, что я ищу.

— Вы всегда так подробно объясняете модели, что делаете?

— Не всегда. — Он взял уголь, придвинул мольберт ближе. — Но мне интересно, как вы реагируете на объяснения. Это часть исследования.

Следующий час прошёл в тишине, прерываемой только скрипом угля по бумаге и редкими

короткими репликами Орлова — «поверните голову», «опустите взгляд», «не двигайтесь так

быстро, я не успеваю». Марина чувствовала, как тело привыкает к неподвижности, как мысли начинают блуждать там, куда она обычно не позволяла им заходить — потому что неподвижность тела освобождает разум для того, что обычно прячется за деятельностью.

— Расскажите о себе, — сказал Орлов, не отрывая взгляда от холста.

— Что вы хотите знать?

— То, что вы готовы сказать незнакомцу, который вас рисует. Обычно это говорит больше,

чем то, что люди рассказывают друзьям.

— Я работаю с людьми, — сказала Марина, осторожно подбирая слова на границе правды и легенды. — Консультирую по сложным вопросам, которые требуют дискретности.

— Загадочно.

— Профессионально.

Он усмехнулся, не отрываясь от работы.

— Мне нравится загадочность. Большинство моих моделей открываются слишком быстро

— рассказывают всю свою жизнь за один сеанс, словно холст — это исповедашня. Вы держитесь иначе.

— Это плохо для вашей работы?

— Это идеально для моей работы. — Он отступил от мольберта, разглядывая результат с прищуром. — Я не рисую людей, которые рассказывают всё. Я рисую людей, в которых остаётся вопрос.

Он подошёл ближе, на этот раз без предложения коррекции позы, и остановился на расстоянии, которое заставило Марину почувствовать тепло его присутствия как

физическую данность.

— У вас интересный взгляд, — сказал он тихо. — Вы смотрите так, будто оцениваете меня в

той же степени, в какой я оцениваю вас.

— Может быть, так и есть.— Это меня устраивает. — Он не отступил, и пауза между ними затянулась дольше, чем

требовала простая профессиональная дистанция. Марина чувствовала, как что-то в воздухе студии меняется — не угрожающе, но определённо, как изменение давления перед

грозой. — Алиса смотрела так же. В начале.

Имя, произнесённое внезапно, прозвучало как испытание — и Марина поняла, что должна

ответить осторожно, не выдавая интереса, который был у неё на самом деле.

— Та девушка с портрета в коридоре?

— Да. — Что-то изменилось в его лице — лёгкая тень, быстро спрятанная за профессиональной маской. — Она была талантливой. Сложной. Хорошей моделью, пока не перестала ею быть.

— Перестала?

— Люди меняются, когда узнают слишком много о процессе, — сказал Орлов, отворачиваясь к мольберту, и в этой фразе, произнесённой как философское наблюдение,

Марина уловила что-то более конкретное, что-то похожее на предупреждение, замаскированное под абстракцию. — Перестают быть просто объектом наблюдения и начинают задавать вопросы. Это разрушает чистоту работы.

— А что происходит, когда модель начинает задавать вопросы?

Он посмотрел на неё долгим взглядом, и в этом взгляде была смесь оценки и чего-то ещё —

возможно, удовольствия от того, что разговор пошёл туда, куда он, кажется, сам направлял его.

— Тогда либо модель находит ответы, которые её удовлетворяют, — сказал он медленно,

—

либо уходит искать их в другом месте.

— А Алиса нашла ответы?

— Алиса уехала, — сказал он коротко, и тон его сменился, давая понять, что тема закрыта для сегодняшнего разговора. — Достаточно на сегодня. Я закончу набросок, вы можете переодеться.

Марина поднялась со стула, чувствуя, как мышцы затекли от долгой неподвижности, и пока она шла к гримёрной, спиной чувствовала его взгляд — тот же оценивающий, изучающий взгляд, с которым он встретил её час назад, только теперь в нём было что-то добавившееся, более личное.

В гримёрной, переодеваясь, она услышала голоса из основного пространства студии — Орлов разговаривал с кем-то, голос приглушён, но узнаваем — Лера. Слов было не разобрать, но тон был напряжённым, почти спорящим, и когда Марина вышла, обе фигуры

уже стояли на расстоянии друг от друга, демонстрируя ту нейтральность, которая обычно следует сразу после конфликта.

— Завтра в то же время? — спросил Орлов, провожая её к двери, голос его снова был

ровным, профессиональным.— Лера организует процесс, если у вас будут вопросы по студии. — Он на секунду задержал

её взгляд своим, и в этой задержке было что-то похожее на приглашение, которое не было произнесено вслух. — Рад, что вы согласились на это, Марина. Чувствую, что это будет интересная серия.

Выходя из студии, на лестнице, Марина позволила себе ту паузу, в которой обычно анализировала первые впечатления от дела. Орлов был именно таким, каким она ожидала — харизматичным, контролирующим, привыкшим к тому, что его взгляд решает, кто достоин его внимания. Но за этим контролем чувствовалось что-то менее уверенное, какая-

то трещина, которая проступала каждый раз, когда разговор касался Алисы.

Лера была сложнее для прочтения — её спокойствие казалось наигранным, выстроенным как защита, а не как естественное состояние. И тот короткий, напряжённый разговор с Орловым, свидетелем которого Марина случайно стала, говорил о напряжении внутри круга, которое не имело отношения к искусству.

Она спустилась на улицу, в холодный вечерний воздух, и достала телефон, чтобы записать

первые впечатления, прежде чем они растворятся в потоке последующих событий. Но прежде чем начать писать, она остановилась, поймав себя на том, что думает не о деле, а о том, как прозвучал голос Орлова, когда он сказал «у вас интересный взгляд» — и о том коротком, неприятном узнавании, что часть её, та часть, которую она привыкла держать под строгим контролем, отозвалась на это с интересом, которого она не планировала испытывать.

Это было плохим знаком. Профессиональным — и личным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.